

Андрей Дементьев,
поэт, Лауреат Государственной премии СССР

Военные повести Бориса Васильева

Вступительная статья в книге: Б. Васильев «А зори здесь тихие...», «В списках не значился»: Повести – К: Молодь, 1988 – 304 с.: ил. – (Школьная библиотека)

Давно отгремели залпы Великой Отечественной войны. Но о ней продолжают вспоминать, рассказывать, писать. И вспоминают и рассказывают, естественно, по-разному: по-своему, часто о своем. Решить вопрос о том, что и как рассказать о войне, во многих случаях оказывается не так просто. Что же важно в наши дни знать и помнить о войне, о том, «как все было»? О чем обязаны советские люди не забывать и помнить вечно? Что из рассказов о войне способно взволновать ум и сердце нашего современника, нашей молодежи?

Рассказать про многих и многих помышлявших и не помышлявших о славе, награжденных и не всегда награжденных, безвестных и даже «в списках не значившихся» — рядовых солдатах, сержантах, старшинах, еще необстрелянных лейтенантах, часто о женщинах на войне, занимавших «негероические должности»,— в этом одна из особенностей всей военной прозы Б. Васильева, его, можно сказать, литературная позиция. В этом смысле он следует той художественной традиции, которая была обозначена «Звездой» Э. Казакевича и продолжена произведениями Ю. Бондарева, Г. Бакланова, В. Быкова и других советских писателей.

Сегодня военные рассказы Б. Васильева — независимо от времени их появления в печати и художественной завершенности — можно прочесть как фрагменты, сюжетные заготовки или подходы к одной и той же теме, нашедшей наиболее полное и последовательное воплощение в повести «А зори здесь тихие...», которая появилась в 1969 году и была, как и другие произведения его военной прозы, не случайно напечатана в журнале «Юность».

Повесть как-то сразу и, безусловно, покорила не только подписчиков «Юности», но и тех читателей, которым пришлось добывать номер журнала, где она была напечатана, согласно летучей, распространившейся с молниеносной быстротой аннотации: «Это надо прочесть». Но и здесь было лишь начало успеха. «Зори» принял к постановке чуткий к общественному мнению драматический Театр на Таганке, создав один из лучших своих спектаклей. Одновременно они вошли в репертуар Центрального театра Советской Армии и многих областных театров. На экраны вышел прекрасный фильм того же названия. Затем герои повести старшина Васков и пять милых девушек в пилотках шагнули на главную оперную сцену страны...

В чем же секрет успеха повести Бориса Васильева, негаснущего интереса и — редкий счастливый случай — всеобщей симпатии к ней?

Конечно же, прежде всего — в поэзии подвига и героизма, которой проникнуты «Зори», и в той нравственной безусловности, с какой изображен в ней смертный бой пяти советских девушек и старшины Васкова с отрядом диверсантов-гитлеровцев.

Никто: ни юные зенитчицы с тихого разъезда номер 171, ни умудренный опытом их командир старшина Васков — не предполагали, что, получив задание найти и захватить в плен замеченных в лесу двух фашистских разведчиков, их маленькая «поисковая группа», вооруженная «родимыми, образца 1891 дробь тридцатого года» винтовками, неожиданно натолкнется на шестнадцать с головы до ног вооруженных фашистских головорезов.

«Наступила та таинственная минута,— пишет Б. Васильев,— когда одно событие переходит в другое, когда причина сменяется следствием, когда рождается случай... на войне, где нервы напряжены до предела, где на первый жизненный срез снова выходит первобытный смысл существования — уцелеть,— минута эта делается реальной, физически ощутимой и длинной до бесконечности».

Силы совсем, совсем неравные... Незаметно отойти, отступить и открыть гитлеровским диверсантам дорогу к Кировской железной дороге и Беломорканалю? Или любой ценой, любыми средствами помешать фашистам осуществить их замысел? Отходить и отступить Васкову и его девичьему воинству и в голову не приходит. Они и не выбирают...

И пришлось Рите Осяниной, Жене Комельковой, Соне Гурвич, Лизе Бричкиной, Гале Четвертак сложить свои головы в том карельском лесу. Пусть не все девушки гибнут с оружием в руках, пусть их бой всего лишь «местного значения», повествование перешло за тот рубеж, где все уже мерится самой простой и высокой мерой: жизнь одна и смерть одна, где все они — подлинные героини войны,— встают рядом со своими родными сестрами— Зоей Космодемьянской, Лизой Чайкиной, Любой Шевцовой.

Тяжелые испытания выпали и на долю старшины Васкова. Ему суждено было схоронить всех своих бойцов, превозмочь горе, раны и нечеловеческую усталость и в последней исступленной схватке жестоко отомстить гитлеровцам, а потом еще до конца дней нести на душе тяжесть оттого, что не уберег девчат.

Затаив дыхание, следим мы за передвижением маленького отряда Васкова, почти физически ощущаем опасность и препятствия, подстерегавшие его на каждом шагу, облегченно вздыхаем, когда старшине удастся придумать удачный маневр, радуемся ловкости и смелости Жени Комельковой, готовы кричать вслед потерявшей голову Галке Четвертак... Б. Васильев не отпускает нашего внимания ни на минуту, заставляет шаг за шагом пройти за девушками и старшиной то болотом, то между валунами, то лесной чащей. При этом развитие повести не тормозится вставными новеллами, приоткрывающими прошлое героинь. Б. Васильев столь естественно вводит их в повествование, так смело включает в канву событий, что небольшая, в сущности, повесть раздвигает свои границы и дает нам ощущение пространства и времени,

достаточное для того, чтобы узнать ее героинь, понять, что они — плоть от плоти своего общества, своей Родины.

Пять совершенно различных девичьих характеров представляет нам писатель. Что, казалось бы, общего между строгой Ритой Осяниной, натурой сильной и чистой, и ребячливой фантазеркой, неуверенной в себе Галкой Четвертак; какая может быть близость между выросшей на лесном кордоне молчаливой Лизой Бричкиной и поклонницей Блока Соней Гурвич; что общего со всеми ними у озорной, дерзкой Женьки Комельковой, «сосланной» на 171-й разъезд после штабного романа? Между тем девчата не просто ладят,— ни тени непонимания между ними, ни тени психологической или какой-либо прочей «несовместимости»! Более того, взбалмошная Комелькова погибает, чувствуя себя победительницей оттого, что запутала фашистов, увела от раненой Осяниной, оставшейся с Васковым. А Осянина, в свою очередь, просит Васкова уйти, помочь Женьке. Даже «негероическая» смерть Лизы Бричкиной или Сони Гурвич при всей ее кажущейся случайности связана с самопожертвованием: в одном случае это желание скорей перейти болото и привести подмогу, в другом естественное душевное движение сделать приятное доброму, заботливому старшине — сбегать за оставленным им кisetом.

И старшина Васков, который Блока не читал, которого девушки поначалу считают в его тридцать два года чуть ли не стариком, а подметив его пристрастие к порядку и воинской дисциплине,— служакой, уставным формалистом и придирой, оказался просто незаменимым в их походе, и не только потому, что по-солдатски опытен, находчив, смел, но потому, что человечен, умен, проявляет поистине отеческую заботу о девушках. И, умирая, Рита Осянина поручает Васкову своего сына, потому что старшина надежен. Один из критиков верно заметил, что в Васкове есть что-то от таких образов русской литературы, как Максим Максимыч или Капитан Тушин. Но, несомненно, одним из ближайших предшественников Васкова является Василий Теркин.

Конечно, те исключительные обстоятельства, в которых оказались Васков и девушки, неизбежно сближают людей. Но есть в их судьбах и та подчеркнутая Б. Васильевым общность, перед которой отступают разность воспитания, образования, то единство отношения к жизни, людям, войне, которое не требует определений и доказательств и которое иначе не назовешь, как народным сознанием, преданностью и любовью к Родине.

Васкову и его девчатам надо «держаться позицию», «как ни тяжело, как ни безнадежно — держаться». «И такое чувство у него было,— пишет Б. Васильев о Васкове,— словно именно за его спиной вся Россия сошлась, словно именно он, Федот Евграфыч Васков, был сейчас ее последним сынком и защитником. И не было во всем мире больше никого: лишь он, враг, да Россия. Только девчат еще слушал каким-то третьим ухом: бьют еще винтовочки или нет. Бьют — значит, живы. Значит, держат свой фронт, свою Россию. Держат!..»

Умирает смертельно раненная Рита Осянина. Полон печалью Васков, и не может он скрыть от Риты свои невыносимо тяжелые чувства и думы: «*Что ответить, когда спросят: что же это вы, мужики, мам наших от пуль защитит не могли?.. Дорогу Кировскую берегли да Беломорский канал? Да там*

ведь тоже, поди, охрана, там ведь людишек куда больше, чем пятеро девчат да старшина с наганом!

— Не надо,— тихо сказала она.— Родина ведь не с каналов начинается. Совсем не оттуда. А мы ее защищали. Сначала ее, а уж потом канал».

И другое. У каждой из девушек свой «личный счет» к захватчикам, но он связан со «счетом» всей страны. У Риты Осяниной на второй день войны погиб муж, лейтенант-пограничник; но в результате вероломного нападения гитлеровцев на нашу страну уже в первый и во второй дни войны многие наши женщины стали вдовами и многие дети сиротами. На глазах у Жени Комельковой фашисты расстреляли из пулемета всю ее семью; но они подвергли зверскому уничтожению миллионы мирных жителей нашей страны. Судьба родителей еврейки Сони Гурвич, не успевших эвакуироваться из Минска, несомненно, была мучительной; но гитлеровцы поставили целью истребление всего еврейского населения. Так «личный счет» девушек из отряда Васкова соединился со «счетом» всего советского народа, свое индивидуальное оказалось неотделимым от общего, общенародного.

После этого становятся до конца понятны те чувства, с какими Васков и его девушки воюют с гитлеровцами. Конечно, война — дело варварское, жестокое, бесчеловечное. И вся повесть Б. Васильева — от первой и до последней страницы — проникнута этим пониманием и настроением. Героиням повести — девушкам, рожденным для любви, материнства и мирных забот и трудов,— это известно лучше, чем кому-либо другому. Но что-же делать, если враг, напавший на твою Родину, отбросив все человеческое, превратился в лютого зверя, несущего смерть всему живому? Разве не прав Васков, думая, что в таком случае по отношению к врагу не существует ни человечности, ни жалости, ни пощады: *«Бить надо. Бить, пока в логово не уползет».*

Женя Комелькова убила гитлеровца — размозжила ему голову прикладом винтовки. Потом она долго не могла прийти в себя. *«Тут одно понять надо: не люди это. Не люди, товарищ боец, не человеки, не звери даже — фашисты. Вот и гляди соответственно»*,— говорит ей Васков. И говорит справедливо. В ненависти к фашизму и любви к Родине — истоки героизма советского человека, отсюда начинается его путь к подвигу.

Васков и его девчата выиграли свою войну: гитлеровцы не прошли. Но не сберег старшина своих бойцов. Все пять девушек навеки остались лежать в краю, где зори тихие-тихие. Горе и печаль переполняют душу их командира. И вместе с ним скорбит читатель повести. И его боль за недоживших и недолюбивших девушек соединяется с болью за все страшные жертвы, принесенные нашим народом на алтарь Отечественной войны.

Б. Васильев не преуменьшает и не смягчает бедствий войны, не уклоняется от изображения ее трагедий, ужасов и тяжелых последствий и не скрывает цены победы. Ему дорога истина, суровая правда. Однако своим содержанием, всем своим пафосом повесть говорит, что наши жертвы были не напрасны, что принесены они во имя спасения Родины и всего человечества от фашизма, что трагедия, о которой рассказывается в «Зорях»,— трагедия оптимистическая. Из боя в карельских лесах девушки шагнули в наш день, в бессмертие. Они не стояли за

ценой, добывая победу, не считали, *«кому память, кому слава, кому темная вода»*. Но сегодня мы знаем: всем память, всем слава.

Во многом успех повести «А зори здесь тихие...» зависит от того, что автор избежал в ней плакатности, ложной патетики, высоких слов, произносимых всуе. Он понимал: подлинная поэзия подвига и героизма требует простоты, естественности, реализма. Группа Васкова, ее бойцы, их бой изображены в повести в естественном переплетении героического и будничного, смешного и возвышенного, радости и горя. Это настоящие живые люди с их натуральными чувствами и невыдуманым поведением.

И даже в исключительных обстоятельствах и крайних ситуациях Б. Васильев не забудет о бытовых мелочах и подробностях. Наоборот! Тут и раскрываются крестьянские, охотничьи, мастеровые таланты Васкова, а вся его «гвардия» в пути моется, стирает, гомонит, как на посиделках... Но быт у Б. Васильева не просто фон, он соотнесен с главной идеей произведения. Быт, как бы хочет сказать писатель, устойчив и вечен, как все человеческое и сама жизнь, как женская природа пятерых бойцов, как редкостное душевное здоровье Васкова. Более того, быт в повести одухотворен и лирически окрашен. Это человечность и мир, противопоставленные всему бесчеловечному и, прежде всего, войне с ее жестокостью и жертвами.

Человечность и правда — вот основа «Зорь». Благодаря им в повести соединились поэзия и проза, юмор и драма, лирическая одухотворенность образов и протокольная точность описаний, романтика и реализм. Отсюда и поэтическое своеобразие и очарование повести.

Читатель «Зорь» не может не обратить внимания на особый интерес, который испытывает их автор к тому рубежу в жизни советских людей, который означает их переход от мира к войне. На этой грани, черте, разломе он часто останавливается удивленно и горестно.

Столкновение мирной жизни и «мирных» представлений о войне с крутой и жестокой реальностью войны является одним из главных мотивов повести Б. Васильева «В списках не значился». Это повествование о школе зрелости и мужества, которую за короткий срок героической обороны Брестской крепости проходит девятнадцатилетний лейтенант Николай Плужников.

Хотя в повести описываются всего несколько «мирных» дней лейтенанта Плужникова, но для него все они насыщены важными событиями. Плужников окончил военное училище. Убежденный, что лишь служба в войсках формирует настоящего командира, он по своему выбору получает назначение командиром взвода и направляется в одну из частей Особого Западного округа.

О войне у лейтенанта самые ясные представления. Он уверен, что гитлеровская Германия не посмеет напасть на нашу страну, и разговоры об этом считает провокационными. Он нисколько не сомневался, что в противном случае Советская Армия быстро разгромит врага на его собственной территории.

Едва выкроив полдня, чтобы проститься с матерью и сестрой, но успев за это время влюбиться в подругу сестры, Плужников уезжает к месту назначения. Поздно ночью 21 июня 1941 года он прибывает в Брестскую крепость, на

следующий день с утра полагает явиться к начальству, зачислиться в списки части и приступить к исполнению своих служебных обязанностей.

Но 22 июня в четыре часа пятнадцать минут утра тяжкий грохот обрушился на Брестскую крепость: гитлеровская Германия предательски напала на Советский Союз, началась Великая Отечественная война, началась оборона Брестской крепости...

То, что Б. Васильев захотел рассказать своим читателям об истории обороны Брестской крепости, весьма естественно. Трагическое и доблестное сопротивление ее защитников — одна из самых ярких страниц Великой Отечественной войны. До сих пор нельзя сказать, что нам известны все перипетии борьбы, что мы знаем всех ее героев. С этим связано много легенд и устных рассказов. Экспонаты, хранящиеся в Музее обороны крепости - от знамени и оружия ее защитников до их личных вещей,— полны важного и не раскрытого до конца смысла и содержания. Короче говоря, история обороны Брестской крепости представляет огромный интерес для читателей и открывает самые широкие возможности для воображения, чувств и мысли писателя.

Правда, есть изумительная книга С. С. Смирнова «Брестская крепость», но это документальное исследование, которое не выходит за строгие пределы материалов и свидетельств, собранных ее автором в результате долгих, упорных и трудных поисков. Б. Васильев написал об обороне Брестской крепости повесть. Героическая эпопея встает перед его читателями в ярких картинах и живых образах художественного произведения.

После трех первых дней яростных боев «дни и ночи обороны крепости слились в единую цепь вылазок и бомбежек, атак, обстрелов, блужданий по подземельям, коротких схваток с врагом и коротких, похожих на обмороки, минут забытья. И постоянного, изнуряющего, не проходящего даже во сне желания пить».

Затем немцам удалось ворваться в крепость и разорвать ее оборону на отдельные, изолированные друг от друга очаги сопротивления. Днем они шаг за шагом превращали крепость в развалины и уничтожали в ней все живое, а ночью развалины оживали вновь. *«Израненные, опаленные, измотанные жаждой и боями скелеты в лохмотьях поднимались из-под кирпичей, выползали из подвалов и в штыковых атаках уничтожали тех, кто рисковал оставаться на ночь. И немцы боялись ночей».*

А потом оборона ушла в глухие подземелья. Небольшие группки засевших там защитников крепости вели упорную войну с гитлеровцами. *«Мы - подразделение Красной Армии. Обыкновенное подразделение, только и всего»,— говорит Плужников трем солдатам и двум женщинам, оказавшимся вместе с ним в одном из подземелий крепости.*

Наконец наступили последние дни и недели обороны крепости, иссякали последние силы ее защитников, сопротивление продолжалось в одиночку. *«В первый день нового, 1942 года ему (Плужникову.— А. Д.) особенно повезло... он уложил двоих, уложил наповал, из хорошего убежища. Долго бегал по подвалам, уходя от погони, и ушел, потому что мела вьюга и следы его не взяла бы и самая*

опытная собака...» Так и не сдалась, не пала Брестская крепость. Не взяли ее ни бомбами, ни толом, ни огнеметами. Она просто истекла кровью...

Повесть о героической обороне Брестской крепости написана Б. Васильевым по-другому, в иной тональности нежели повесть «А зори здесь тихие...». Ни рассветы, ни закаты, ни дни, ни ночи не были в крепости тихими. Не было быта и будней. Неопиcуемый по своей ожесточенности бой шел без перерыва. Речь писателя зазвучала сурово, напряженно, нередко возвышенно.

Но какой бы выразительной и впечатляющей не была картина обороны Брестской крепости, нарисованная Б. Васильевым, все же смысл и пафос его повести «В списках не значился» заключается не только и даже не столько в этом. И чтобы осознать суть произведения, необходимо вернуться к ее главному герою, лейтенанту Плужникову.

Он приехал в Брестскую крепость восторженным юношей, полным самых радужных мечтаний о своем будущем и не совсем подготовленным к встрече с войной. А между тем война неожиданно обрушилась на него всей своей тяжестью сразу же по прибытии к месту назначения. Немудрено, что в первых схватках с гитлеровцами Плужников теряет, упускает из рук командование, и опытные сержанты, старшины, бойцы-пограничники то и дело поправляют его, подсказывают ему. Больше того, в этих схватках он дважды струсил. Оборона Брестской крепости явилась для Плужникова жестокой школой возмужания, духовного роста и воинского умения. В изображении этого процесса и состоит, на мой взгляд, суть повести «В списках не значился».

Плужников будет и впредь допускать ошибки. Жестокий урок, научивший его отличать подлинную человечность от ложной, получит он, пожалев и отпустив пленного гитлеровца. Уроки подобного рода были суровы, но и влияние их было сильным и действенным. Лейтенант стал наблюдателем, хладнокровен, расчетлив, научился думать и всесторонне оценивать обстановку. В процессе обороны Брестской крепости он станет одним из ее героев, совершит немало подвигов, будет защитником и «хозяином» крепости до весны 1942 года и удостоится в последние минуты своей жизни воинских почестей даже от врага... *«Он упал на спину, навзничь, широко раскинув руки, подставив солнцу невидящие, широко открытые глаза. Упал свободным и после жизни, смертью смерть поправ».*

Беспримерное самопожертвование и мужество проявили и другие защитники Брестской крепости. Их образы нарисованы писателем резкими и запоминающимися красками. И вот что важно: те драматические ситуации, которые изображает Б. Васильев, вовсе не являются надуманными, те слова, которые произносят его герои, никак нельзя назвать риторическими пассажами или декламацией. Напротив: и те и другие естественны и убедительны, ибо они обусловлены особыми обстоятельствами и условиями обороны Брестской крепости и той морально-психологической атмосферой, которая сложилась в осажденной крепости и воодушевляла ее героев. По поводу иного эпизода повести приходилось слышать: «легенда». Да, и легенда. Но разве не была легендарной оборона Брестской крепости? Может показаться — не слишком ли красивы слова Плужникова: *«Человека нельзя победить, если он этого не хочет. Убить можно, а победить нельзя».* Но история Великой Отечественной войны

знает много и еще более «красивых» восклицаний, призывов, и никто не сомневается в их искренности и реальности.

Читая повесть «В списках не значился», наглядно и зримо видишь и чувствуешь, как формируются в сознании защитников Брестской крепости те нравственные, духовные предпосылки, которые определяют и объясняют их поведение, их мысли и слова и которые сыграли в борьбе за крепость большую роль.

Защитникам крепости, боровшимся с гитлеровцами разрозненными подразделениями, небольшими группами и даже в одиночку, часто приходилось действовать по собственной инициативе, по велению своей совести и разума, по приказам, отданным самим себе, имеющим нравственный психологический характер. Здесь, естественно, и вступали в силу, и приобретали большое влияние умонастроения, владевшие и овладевающие защитниками крепости, и общая морально-психологическая атмосфера, сложившаяся и складывающаяся в осажденной крепости.

С этой точки зрения Плужников не случайно выбран Б. Васильевым в герои своей повести. Он в списках не значится, и ему самому приходится решать встающие перед ним в процессе борьбы вопросы. Он и решает их, опираясь как на знания и идейную закалку, полученные еще в военном училище, так и на общую мудрость защитников крепости, на опыт того или иного встреченного в бою старшего лейтенанта, политрука, старшины, сержанта, пограничника. Они воздействуют на него, как он воздействует на них. Так создается та почва, на которой вырастают подвиги.

Вначале была надежда на помощь, и многое определяла воинская дисциплина. **«Мне дан приказ держаться»**,— говорит Плужников, и его слова воспринимаются как категорическое и неоспоримое требование. Затем от политрука с перебитыми ногами Плужников слышит, что *«задача одна: уничтожить живую силу»*. *«Нас двести миллионов»*,— говорит политрук.— *Двести. Глупо, когда никого не убил...»*

Фельдшер в глухом подвале, куда стаскивали всех безнадежных, утверждает, что приказы его уже не касаются: *«Я сам себе пострашнее приказ отдал. Вот если каждый, каждый солдат, понимаешь, сам себе приказ отдаст и выполнит его — сдохнет немец... И война сдохнет»*. Раненые, безнадежные, умирающие... *«Умирали, не срамя,— негромко и ясно сказал молодой голос. И все замолчали, и в молчании этом была суровая гордость людей, не склонивших головы и за той чертой, что отделяет живых от мертвых»*.

На последних страницах повести старшина Семишный заставляет Плужникова дать клятву быть верным присяге и никогда, ни живым ни мертвым, не отдавать врагу боевого знамени.

Так складывается, развивается, растет героическое сознание защитников Брестской крепости. Становится ясным, что высокая романтика книги Б. Васильева вырастает из реализма, из правды жизни. Неудивительно, что каждый эпизод и ситуация повести, каждый ее образ при всей своей необыкновенности и «легендарности» воспринимаются как достоверные, правдивые и имеют реальную основу, опираются на действительность, на факты, о которых сообщают те или

иные документальные материалы или свидетельства участников обороны Брестской крепости.

Можно подумать, например, что выход ослепшего, полумертвого Плужникова из подземелья после «переговоров» с посланцем гитлеровцев скрипачом Свицким — результат творческой фантазии автора повести. Но нет, о подобного рода ситуации рассказывал С. С. Смирнову участник обороны крепости Дурасов. Даже прототипом скрипача Свицкого является реальное лицо — скрипач из брестского ресторана Залман Ставский.

Позторяю: и легендарные герои, и легендарные подвиги, изображенные в повести «В списках не значился», отражают подлинную действительность, и Б. Васильев, рисуя их, опирался на реальную историю обороны Брестской крепости. В этом легко убедиться, перечитав «Брестскую крепость» С. С. Смирнова. Можно предположить, что и при создании образа главного героя своей повести лейтенанта Плужникова Б. Васильев исходил из документальных сведений о неизвестном лейтенанте-артиллеристе, который, окончив военное училище, ехал через Брест к первому месту своей службы. Когда Брест неожиданно подвергся нападению гитлеровских захватчиков, он принял на себя командование защитниками вокзала. К сожалению, никто из уцелевших защитников вокзала не знал его фамилии: все знали лейтенанта просто по имени — Николай. По имени назван он и на мраморной плите у входа в Брестский вокзал. Только теперь стала известна и фамилия лейтенанта — Царев.

Труднее отделаться от впечатления, что Б. Васильев отступает от реализма на тех страницах повести, где рассказывается о любви Плужникова и Мирры. Кажется, что эта романтическая любовь в подземелье как-то неожиданна, и он мог бы обойтись без нее. Но не очевидно ли, что любовь эта является проявлением настоящей человечности, противостоящей жестокости войны и расизму гитлеровцев? Великая сила жизни, добра, любви неистребима наперекор всему, что стремится ее уничтожить,— убеждение, которое проходит через все творчество Б. Васильева.

«Может быть, я максималист,— утверждает писатель,— но задачу искусства я вижу в стремлении помочь человеку жить, а не устрашать его или будить в нем какие-то низменные инстинкты. Оно должно делать добро».